

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР В ЧЕРНОМ МОРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

© 2017 Дмитрий Я. Фашчук¹, Михаил И. Куманцов²

¹Институт географии РАН, Москва, Россия

²Всероссийский НИИ рыбного хозяйства и океанографии, Москва, Россия
e-mail: fashchuk@mail.ru

Поступила в редакцию 14.03.2016 г.

Аннотация. Продолжен ретроспективный географо-экологический анализ развития рыболовства России/СССР в Черном море для периода после распада Российской Империи в 1917 г. до начала Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Представлено наследие царской России в этой области хозяйственной деятельности: примитивность орудий лова и техники переработки рыбы, ручной труд, отсутствие механизированного рыболовного флота, отсутствие государственного контроля промысла, его стихийно-потребительская направленность и ограниченная география. Исследованы первые декреты и постановления советской власти в сфере создания регламентации рыболовства, охраны черноморских биоресурсов. Констатируются факты внедрения новых методик поиска рыбы (авиаразведка), всесезонного промысла (экспедиционный лов), оценки запасов (траловые учетные съемки). Проанализированы результаты первых рыбопромысловых научных исследований состояния и структуры сырьевой базы основных традиционных районов промысла. Исследована статистика добычи основных промысловых объектов с середины 1920-х годов до 1940 г. В 1939 г. среднегодовой вылов рыбы СССР в Черном море составил 35 тыс. т, что примерно было равно сумме уловов всех черноморских стран, а рыболовная продуктивность моря составляла 2 кг рыбы на 1 гектар. При этом ресурсы кефали, султанки, пелагиды, камбалы-калканы, скумбрии, шпрота, а также устриц, мидий и креветок по техническим и организационным причинам недоиспользовались, а доля добычи хамсы возрастала с 17.1% (1920–1930 гг.), до 34.2% (1930–1940 гг.) и 42.6% (1949 г.). Сделано заключение о том, что в исследованный период начали закладываться законодательные и научно-технические основы рыбной промышленности, которая во второй половине XX в. станет одной из мощнейших отраслей народного хозяйства СССР.

Ключевые слова: Черное море, рыболовство, СССР, Россия, законодательная база, механизация, авиаразведка, география промысла, статистика добычи, новые объекты.

DOI:10.15356/0373-2444-2017-1-147-160

Fishery in Soviet Russia and the USSR in the Black Sea in the First Half of the 20th Century

Dmitriy Ya. Fashchuk¹ and Mihail I. Kumantsov²

¹Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²All-Russian Research Institute of Fishery and Oceanography, Moscow, Russia
e-mail: fashchuk@mail.ru

Abstract. The retrospective historical analysis of development of the Russian fishery in the Black Sea has been continued for the period from collapse of the Russian Empire in 1917 to the beginning of the Great Patriotic War (1941–1945) and the first post-war years. The heritage of tsarist Russia in this area of economic activity, such as primitiveness of fishing gears and fish processing technology, hand labor, lack of the power-driven fishing fleet, lack of the state fishery control, its spontaneous and consumer orientation, and limited geography, is considered. The first Soviet government decrees and resolutions in fishery regulation and protection of the Black Sea biological resources are studied. The facts of introduction of new methods of fish search (air reconnaissance), all-season fishing (distant-water fishery), and stock assessments (trawl surveys) are presented.

The results of the first scientific fishery researches on the state and structure of resource base in the main traditional fishing areas are analyzed. The catch statistics for the main commercial species from the mid-1920s to 1940 is investigated. In 1939, the mean annual catch of the USSR in the Black Sea comprised 35000 tons that was about equal to the total catch of all Black Sea countries, and fish productivity of the sea amounted 2 kg per hectare. At the same time, resources of mullet, red mullet, belted bonito, flounder, mackerel, sprat, as well as oysters, mussels, and shrimps were underutilized for the technical and executive reasons, while the share of anchovy in total catch increased from 17.1% (1920–1930) to 34.2% in 1930–1940, and to 42.6% in 1949. It was concluded that the studied period could be considered as the beginning of establishment of legislative and scientific-technical foundation of fishery industry which in the second half of the 20th century became one of the most powerful economic sectors of the USSR.

Keywords: the Black Sea, fishery, the USSR, Russia, legislative base, mechanization, air reconnaissance, geography of fishery, catch statistics, new commercial species.

Ретроспективный анализ литературных и архивных данных о географии, динамике масштабов добычи, структуры уловов, типов орудий лова и занятости в нем населения в дореволюционный период с момента присоединения Крыма к Российской Империи в 1783 г. позволил авторам подвести итоги этого этапа истории черноморского рыболовства [45]. Было отмечено, что уже в течение первого десятилетия XX в., к началу Первой мировой войны, в результате стихийного, бесконтрольного частного промысла ежегодный черноморский вылов рыбы в России снизился по сравнению с ее добычей в конце XIX в. с 47 до 10 тыс. т, а в Азовском море в 1913 г. он сократился по сравнению с 1893 г. почти в 3 раза – с 90 до 35 тыс. т. Кроме того, по условиям подписанного большевиками 3 марта 1918 г. Брестского мира советская Россия лишилась (до 1940 г.) Бессарабской губернии и, соответственно, Дунайского рыбопромыслового района, дававшего стране в среднем ежегодно около 400 тыс. пудов (2.8 тыс. т) рыбы.

Тем не менее в этот период величина рыбной продуктивности Черного моря оценивалась солидной цифрой – 5.5 млн пудов, или более 90 тыс. т [30], что открывало перед советской Россией в Азово-Черноморском бассейне большие перспективы. С первых лет советской власти мелкий кустарный рыбный промысел здесь и на других омывающих страну морях начал превращаться в развитую современную рыбную промышленность. Исследование эволюции этого процесса в Черном море до начала Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы стало целью предлагаемой статьи.

Наследие царской России. В первые годы советской власти развитие черноморского рыболовства происходило в условиях оставшихся после царской России низкого (кустарного) уровня развития технических средств добычи и технологий переработки морепродуктов. Кроме того, еще в 1890 г. граф В. Люксембург в исследовании рыболовства в районе “севастопольского

градона начальства” обращал внимание чиновников на “проявления человеческого эгоизма и хищнические наклонности” в рыбном промысле [26]. Тем не менее дореволюционное рыболовство в Азово-Черноморском бассейне продолжало сопровождаться хищнической эксплуатацией рыбных угодий. В результате, например, к началу XX столетия по сравнению с 1860-ми годами российский крючной промысел осетровых в районе Керчи сократился в 4–6 раз. Вылов красной рыбы здесь к началу Первой мировой войны не превышал 10 тыс. пудов (163.8 т) “по причине широко развитого красноловного промысла в Азовском море” [20].

По мнению современных специалистов рыболовной техники, даже самые эффективные способы лова в начале XX в. “поражали своей примитивностью”. Несмотря на то, например, что история применения и развития тралов насчитывает около 600 лет, даже в 1911–1912 гг. на Черном море и Дальнем Востоке тралы использовались только на нескольких мелких парусно-моторных судах, а основными орудиями прибрежного лова оставались: крючья, ставной невод, закидной невод, ставная сеть, кефалевый завод, скипаст, аламан [44].

Способы переработки рыбы также не отличались большим разнообразием и оригинальностью. Половина годового улова крымских рыбаков (тюлька, хамса, сельди, барабуля) в дореволюционной России засаливалась. С 1920 г. стали засаливать бычка (до этого его только сушили) и даже морского кота (ската). Красную рыбу тоже стали засаливать после Гражданской войны, а до 1920 г. она вся вывозилась из Крыма в свежем виде (на льду). В Керчи от осетровых рыб весеннего улова готовили зернистую и паюсную черную икру, а также заготавливали “галаганы” – вялили под прессом предварительно посоленную икру кефали, не вынимая ее из ястыков (икорных мешочков). Сельдь, скумбрия, барабуля, большая часть кефали и даже хамса подвергались копчению.

Высокие вкусовые качества осетровых, кефалевых, макрелевых видов рыб Черного моря определили еще в дореволюционной России развитие консервного дела. В 1912 г. работало 15 консервных фабрик (в Керчи — 1, Балаклаве — 2, Вилкове — 1 и Одессе — 11), выпускавшие перед Гражданской войной в год до 1 млн банок консервов — 67% общего количества рыбных консервов, изготовлявшихся в России. При этом шпроты (“сардели”), кефаль, скумбрия, барабуля, пелагида готовились в масле; осетрина, стерлядь, пелагида, шпроты — в чистом томаты; все указанные виды консервировались также в желе и в вине, а многие другие — мариновались с кореньями, овощами и пряностями [3].

Замораживание рыбы в Крыму в начале XX в. не применялось из-за отсутствия холодильников. В 1918 г. в Керчи (Еникале, коса Опасная) существовало 140 засольных амбаров (в 1891 г. их было 28, а в 1901 г. — 87), имевших 1900 ванн для засолки рыбы общей вместимостью до 250 тыс. пудов рыбы (4 тыс. т). Тем не менее после окончания Гражданской войны в результате изоляции Крыма большинство емкостей пустовало, система обработки и вывоза рыбы была нарушена, и молодому советскому государству понадобились десятилетия для ее восстановления.

Регламентация промысла и развитие рыбопромысловой науки в первые годы советской власти. В период Гражданской войны 1918–1922 гг. населению побережья Черного и Азовского морей было не до рыболовства. В результате, в течение пяти лет уничтожение рыбных ресурсов этого района практически прекратилось. Но как только война закончилась вновь началось не менее хищническое, чем в царской России, уничтожение рыбных богатств бассейна. Об этом свидетельствует выписка из письма В. И. Ленина в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции от 5 декабря 1922 г., опубликованная в 1934 г. в журнале “Рыбное хозяйство” [4]:

“Мне сообщили, что в результате сильного ослабления рыбного промысла во время войны — в Азовском море вновь появилась в промысловом количестве тарань, потерявшая было вследствие хищнического лова, значение промысловой рыбы. Появилось также много молодой рыбы осетровых пород, в том числе почти переведшиеся белуги. Но, с одной стороны, тотчас начался неудержимый, ничем не ограничиваемый хищнический лов молодежи осетровых рыб, который может быстро аннулировать благоприятное влияние войны, с другой стороны, в низовьях Дона, якобы творилось, а, может быть, и творится нечто

невообразимое. В виде примера мне сообщили, что даже охрана вод Донпродкома производила хищнический лов рыбы на запретной зоне, причем за разрешение лова в запретных водоемах существовал особый род таксы от 400–500 млн рублей за одно притонение (один заброс невода — *авт.*). Начальник охраны вод Донпродкома был отстранен от должности за хищнический лов рыбы в низовьях Дона. Этого господина только отстранили от должности. Нужно узнать, где он и проверить посерьезнее, достаточно ли он наказан.

Прошу Вас назначить расследование обоих дел и результаты расследования в коротенькой записке сообщить мне через тов. Горбунова. Следует не только припугнуть, но и как следует притянуть и почистить за это безобразие”.

В 1922 г. выдающийся в будущем ученый-зоолог и гидробиолог И. И. Пузанов, производя заготовки рыбы в ялтинском районе черноморского побережья, констатировал “почти полное падение крючного промысла на красную рыбу” в послевоенный период [38]. Причина кризиса здесь в отличие от Керченского района состояла не в хищническом бесконтрольном лове рыбы, а в экономических последствиях Гражданской войны — “...полная невозможность достать английской шворки (веревки — *авт.*), из которой изготавливается перемет...”, привела к тому, что «крючковый промысел в более крупных центрах — Ялте, Феодосии — сократился в несколько раз, а в мелких прибрежных пунктах исчез совершенно. Знаменитые зимние “слеты” белужников всего Крыма в Туаке-Кутлаке и Копсели отошли в область предания» (Кутлак и Туак — существуют с 1520 г.; сегодня это с. Веселое Судакского района и с. Рыбачье Алуштинского района — *авт.*).

Осенью 1917 г. в Керчи было создано первое в России государственное рыболовное хозяйство. После присоединения Крыма к РСФСР (1920 г.) на основе этого хозяйства было организовано Керченское областное управление по рыболовству. Постановлением Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата продовольствия РСФСР 9 декабря 1918 г. при Комиссариате продовольствия было организовано Главное управление по рыболовству и рыбной промышленности (Главрыба). В феврале 1919 г. ВЦИК принял постановление “Об охране природных богатств”; Декретом Совета народных комиссаров от 26 февраля 1920 г. Главрыба была реорганизована “с учреждением своих местных органов на рыбохозяйственных бассейнах, имеющих общегосударственное значение...”. При жизни В. И. Ленина

в РСФСР, а затем в СССР было издано 234 декрета и других распоряжений природоохранительного содержания, из них 90 были подписаны им лично.

В 1921 г. при Керченском областном управлении по рыболовству начала работу Керченская ихтиологическая лаборатория, а к 1923 г. она уже имела на побережье Керченского пролива и Тамани пять наблюдательных пунктов. Первый зав. лабораторией А. И. Александров опубликовал в журнале “Рыбное хозяйство” обзор “Крымское рыболовство” [3]. В обзоре было отмечено существование “многих дефектов в крымском рыболовном промысле”. По мнению автора, переход к 1920 г. в Черном море стерляди, тарани, шемаи в категорию “почти раритетов”, а также превращение в Азовском море тарани, камбалы, леща, пузанка, красной рыбы из “...важнейших промысловых объектов в разряд второстепенных, по стоимости улова...”, определяют “особенности русского рыболовства”. Черноморский рыбный промысел в России традиционно велся “в устьях рек, предустьевых пространствах и вблизи берегов”. В результате происходил “интенсивный вылов рыбы именно в те моменты, когда она скопляется в массах для размножения, выкорма или зимнего залегания...”. Такой лов должен обязательно строго регламентироваться, но, к сожалению, “Не то мы наблюдаем в Азово-Черноморском бассейне (исключая казачьи воды) и, в частности, по Крымскому побережью, где до революции никогда не существовали законодательные нормы, регулирующие промысел, и где лов производится в любое время и любыми орудиями”.

Действительно, донские и кубанские казаки строго соблюдали временные правила “О свободном рыболовстве в водах, Черноморскому войску принадлежащих”, составленные казацким генералом Хомутовым и утвержденные 2 февраля 1855 г. Военным министерством России. Согласно этому документу, например, казацкому генералу полагалось иметь 5 “неводных заводов”, штаб-офицеру — 4, обер-офицеру — 3, уряднику — 2, а казаку — 1.

Кроме того, при отсутствии единого для Азово-Черноморского бассейна рыболовного законодательства к 1920 г. в Керчи, например, существовало много разных местных правил рыболовства, которые легко пересматривались и изменялись “...по ходатайству заинтересованных в лове лиц, которым Городское самоуправление, извлекавшее доход от пользования берегами, не имело мужества противопоставить достаточно твердую позицию” [Там же]. Выход из сложившейся ситуации

Александров видел в концентрации промысла в руках одного владельца — государства.

С 1918 г. российское рыболовство вступило в новую фазу развития: “все прежние правовые и экономические основы рухнули, новые только еще намечены, но не успели окончательно определиться ...провозглашение и твердое проведение в жизнь принципа национализации всех рыбопромысловых водных угодий ...представляет широчайшие возможности ...к организации всего рыбного хозяйства страны на рациональных началах”. Так писал в 1923 г. Председатель Научного рыбного бюро управления “Главрыба РСФСР” В. И. Мейснер [30]. Тем не менее, несмотря на понимание еще в первой половине XX в. ведущими специалистами по рыболовству страны необходимости принятия закона, регламентирующего организацию рационального промысла, охрану его объектов и окружающей среды, “Закон о рыболовстве” в России был принят только в 2006 г.

В 1921 г. на съезде специалистов в области рыбохозяйственных научно-промысловых исследований, созванном Главрыбой, было принято решение о необходимости “изучения наших промысловых вод”, и в частности, — вод Азово-Черноморского бассейна. Уже во второй половине 1922 г. в Керчи, на базе Керченской ихтиологической лаборатории формируется Азово-Черноморская научно-промысловая экспедиция, работавшая до 1928 г. под руководством основателя советской рыбопромысловой науки профессора Н. М. Книповича.

Первой и основной задачей экспедиции стало “исследование Азовского моря с низовьями впадающих в него рек и тесно связанного с ним Черного...”, а также “...района, ближайшего ко входу в Керченский пролив”. В 1922 г. сотрудники Керченской ихтиологической лаборатории первыми стали отмечать факты восстановления некоторых почти полностью уничтоженных в Азовском море, видов [2]. Вторая задача экспедиции состояла в изучении “современного положения рыбного промысла, его потребностей, недочетов и возможных перспектив” [23]. В результате почти десятилетней работы экспедиции были заложены научные основы для развития в 1920–1940 гг. отечественного рыболовства в Азово-Черноморском бассейне.

В 1927 г. ихтиологическую лабораторию переименовали в Керченскую научную рыбохозяйственную станцию, а в 1933 г. она стала Азово-Черноморским НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии (АзЧерНИРО) с отделениями в Одессе, Батуми и Ростове-на-Дону.

В период с 1929 по 1939 г. черноморское рыболовство советской России начало стремительно развиваться. Его сырьевая база включала как объекты, обитающие непосредственно в море, так и в его лиманах и прибрежных мелководных озерах.

Прибрежное морское рыболовство. В 1923 г. в своем обзоре Крымского рыболовства А. И. Александров отмечал тот факт, что “Крымские рыболовы используют только ту рыбу, которая подваливает к побережью или проходит вдоль него”. В этой связи в южной, западной и восточной частях шельфа Крыма он выделил “центры особо интенсивного рыболовства, лежащие на выступающих полуостровах Крыма: Тарханкутский, Севастопольско-Балаклавский и Керченский”. По интенсивности передвижения вдоль берега промысловые рыбы Черного моря в начале XX в. делились на несколько категорий [3].

К первой категории “...относятся макрелевые — скумбрия, ставрида и паламида. Густые косяки скумбрии в конце марта входят Босфором в Черное море и идут вдоль берегов Болгарии и Румынии в его северо-западную часть... в конце лета движется вдоль берегов Крыма до Керчи, ...а в декабре оставляет Черное море... Ставрида и паламида совершают передвижения почти одновременно со скумбрией; ...ставрида не заходит так далеко на север... и на месяц раньше, чем скумбрия, оставляет берега Крыма”. За продолжительные вдольбереговые сезонные миграции кефаль и хамса тоже включались в первую категорию рыб-путешественниц.

Рыбы второй категории также совершают вдольбереговые миграции, но в значительно меньшей степени, ограничиваясь масштабами локальных районов моря. К ним относятся осетровые и сельдевые породы, перемещающиеся весной в распресненные участки шельфа, в устья рек и сами реки для нереста, а к зиме откочевывающие на глубину.

Третья категория рыб — камбала, султанка, акула, скаты, пикша совершают еще более короткие миграции, направленные в основном по нормали к берегу и в вертикальном направлении в зависимости от сезона года.

К 1923 г. 60% советского промысла составляли: четыре вида кефалей, скумбрия, три вида сельдей, хамса, белуга и осетр; 20% от суммарного вылова составляли: камбала-калкан, султанка, ставрида, севрюга, тюлька и несколько видов бычков. Остальную долю уловов составляли рыбы более 30 видов “добываемые в малых количествах или единичными особями” [3].

Присоединение 7 августа 1940 г. к СССР южных районов Бессарабии обогатило советских рыбаков новым рыбопромысловым районом, расположенным в пределах Аккерманской (в дальнейшем Измаильской — *авт.*) области. В его состав вошел участок Черного моря от Днестровского лимана до Дуная; река Дунай с ее левобережными плавнями; пресноводные озера Измаильского района; приморские (“бессарабские”) соленоводные лиманы, отделенные от моря узкими косами-пересыпями (Шаболат, Бурназ, Алибей, Шаганы, Сасык); Днестровский лиман и нижнее течение Днестра с плавнями; нижнее течение Прута с его левобережными плавнями.

В предустьевой части Дуная и прилегающих районах Черного моря промысловое значение имели многие виды морских рыб — скумбрия, ставрида, пелагида, камбала-калкан, камбала-гlossa, хамса, бычки и др., но особо важное место здесь занимал промысел проходных видов — осетровых и сельди.

Становление рыболовства Советской Грузии. До Первой мировой войны население Грузии рыболовством практически не занималось, не считая нескольких небольших рыболовных предприятий подсобного порядка, принадлежавших монастырям в Новом Афоне и Пицунде [5]. Рыболовная промышленность советской Грузии стала развиваться только с начала 1930-х годов. В 1937 г. был построен первый рыболовный сейнер для кошелькового лова хамсы в водах Грузии.

Из более чем 100 видов рыб, известных в то время у грузинского побережья, только 25 имели промысловое значение, среди них с 1931 по 1935 гг. 89% уловов составляла хамса, на втором месте — 2.4%, стояла камбала, на третьем (по 1.6%) — акулы, скаты, кефаль; все остальные 10 видов давали от 0.3 до 0.9% общего улова. За эти пять лет в среднем он составлял 5.1 тыс. т/год [5].

Кроме рыбного промысла в 1930-х годов на побережье Грузии начал развиваться аламанский лов и бойный промысел дельфинов. В 1935 г. здесь добывали аламанами более 9000 и били (баграми, из ружей) около 5000 голов дельфинов в год. В том же году на Гудаутской банке впервые после 20-летнего перерыва был начат промысел устриц — добыли 1 млн штук.

Лиманное пастбищное кефалеводство. После 1917 г. традиционное пастбищное кефалеводство в лиманах северо-западной части моря продолжалось [8, 33].

В предвоенный период (1938–1939 гг.) в Сухом лимане под Одессой рыбная продуктивность

вод достигала 150 кг/га, а уловы кефали — 90 т/год. В послевоенные годы она снизилась до 18.8 кг/га (1945–1949), а к 1952 г. — до 2.84 кг/га из-за недостаточного зарыбления лимана. Пастбищное кефалеводство в Сухом лимане было прекращено в 1956 г. в связи со строительством Ильичевского торгового порта.

Один из самых крупных и глубоководных Одесских лиманов — Тилигульский, до 1934 г. был изолирован от моря шестикилометровой пересыпью и имел соленость 35‰. После прорыва пересыпи лиман соединился с морем и стал богатейшим рыбопромысловым водоемом. Уловы кефали здесь в 1936 г. достигали 8 т за одно притонение невода, а в 1951 г. общий вылов кефали составил 107.5 т.

Другой крупный лиман под Одессой — Григорьевский, с 1900 по 1939 г. зарыблялся молодой кефали из открытого моря 16 раз. В 1911 г. улов рыбы достиг здесь рекордной величины 300 т. С 1929 г. ежегодный вылов стал значительно меньшим — не превышал 187 т при средней рыбопродуктивности 23.8 кг/га. В 1964–1965 гг. после начала строительства судоходного канала Григорьевского морского порта рыбохозяйственное использование лимана было прекращено [48].

Кроме одесских лиманов в 1920–1940 гг. в СССР активизировался рыбный промысел в мелководных озерах Егорлыцкого и Тендровского заливов (Херсонская область). Самыми продуктивными из них оказались Покровские озера, расположенные на Кинбурнской косе на берегу Егорлыцкого залива. Выращивание кефали здесь осуществлялось еще в дореволюционной России, а с 1923 г. эти водоемы были закреплены за Украинской научной рыбопромысловой станцией для ведения опытного кефалеводства. Средняя рыбопродуктивность озер редко была ниже 100–400 кг/га, а в самом большом из них — Мартынячем, она достигала 1000 кг/га. В 1947 г. в озерах выловили рекордное количество кефали — 103.2 т (более 2000 кг/га). Последний раз озера зарыблялись в 1960–1961 гг. В настоящее время для нужд кефалеводства они не используются [Там же].

Масштабы добычи. К началу Первой мировой войны первое место в российском черноморском промысле по весу улова занимала хамса (7–8 тыс. т/год), а второе место по весу улова и первое по его стоимости — сельдь (3.3 тыс. т/год), далее следовали кефали и султанка [3]. Последовавшие после октября 1917 г. Гражданская война и интервенция существенно затормозили развитие рыбной промышленности молодого советского государства. Даже в конце 1920-х годов, когда в стране было

выловлено 9.3 тыс. т рыбы, ее добыча не достигла довоенного уровня — 10.7 тыс. т [39].

6 июля 1929 г. Правительство СССР издало Постановление “О мероприятиях по расширению добычи рыбы”, требовавшее быстрое восстановление и развитие рыбного хозяйства страны на основе его индустриализации и коллективизации рыбаков рыбопромышленных районов. Все рыбные угодья и рыбопромышленные предприятия России к этому времени были национализированы. С 1929 по 1935 г. в рыбную отрасль было вложено 700 млн рублей. Стали развиваться моторно-рыболовные станции, оснащенные современными судами и механизмами для лова, транспортировки и переработки рыбы. К началу 1935 г. в рыбопромысловых районах было коллективизировано 86% рыбацких хозяйств, а в ведущих районах завершилась сплошная коллективизация. Количество рыбколхозов в стране достигло 910, из которых 856 были в районах большого рыболовства (Каспий, Дальний Восток, Север).

В результате всех этих мероприятий уже в 1930 г. в стране было добыто суммарно (на всех морях) 1.3 млн т рыбы, а в 1935 г. — 1.6 млн т. При этом вклад Азово-Черноморского бассейна к 1934 г. увеличился в два раза — до 17.4%. В исследуемый период среднегодовая добыча рыбы СССР в Черном море равнялась примерно сумме уловов всех черноморских стран, а рыбная продуктивность моря составляла 2 кг/га. К 1939 г. среднегодовой вылов рыбы СССР в Черном море составил 35 тыс. т [21].

Хамса. Активная добыча “малоценных” видов рыб продолжалась и после окончания Гражданской войны (1918–1922). В результате, к 1929 г. добыча хамсы в Крымском районе составила 12.8 тыс. т. С 1934 по 1940 гг. этот показатель в Крымском промысловом районе продолжал стремительно расти — от 22.3 (1934) до 57.6 (1938) тыс. т. [9]. При этом рыба шла не только на пищевые цели. Исполнялась также директива правительства 1931 года: “...создание мощной жировой базы путем вылова хамсы на жиротопление” [1]. При этом основной промысел хамсы, как и сельди по-прежнему велся в Керченском проливе. С 1926 по 1937 г. ее добыча здесь, в отличие от сельди, увеличилась в 10 раз — с 27 до 250 тыс. ц., при среднегодовом вылове более 11.5 тыс. т (табл. 1) [27]. В 1938 г. ловом хамсы в проливе занимались 8 рыбохозяйственных организаций, использовавших в сумме 170 аламанов. Общий улов за осеннюю путину составил 512.4 тыс. ц [47]. Такие же в среднем уловы — 293 (1946) — 711 (1949) тыс. ц/год, сохранялись и в первые послевоенные годы [40].

Таблица 1. Динамика вылова хамсы и сельди в Керченском проливе, тыс. ц

Вид рыб	ГОДЫ												
	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Хамса	27.0	24.1	49.0	52.8	95.7	93.0	139.4	98.4	175.3	175.3	194.4	250.0	512.4
Сельди	24.6	31.0	26.9	35.3	50.1	19.0	40.0	36.0	17.0	13.0	16.0	21.0	—*

* — нет данных.

Источник: [27].

Таблица 2. Динамика уловов сельди в северо-восточном промысловом районе, тыс. ц

Годы									
1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
42.9	52.9	42.4	54.2	53.9	84.1	106.4	40.3	21.8	44.7

Источник: [43].

В исследуемый период времени оценки запаса хамсы в Черном море, выполнялись различными методами: прямого учета (уловы по сетке из 200–400 станций); расчетов по результатам ихтиопланктонных съемок; расчетов по данным визуальных авиационных наблюдений. В результате, цифры запасов хамсы в Черном море в довоенные и первые послевоенные годы у разных авторов существенно отличаются: от **480** (1935) — **1110** (1938) тыс. ц [9], **704** (1932–1936) — **2028** (1946–1952) тыс. ц [40], **1400** (1932) — **3920** (1947) тыс. ц [24], **4600** (1946) — **7500** (1944) тыс. ц [11] до **10500** (1948) — **30000** (1949) тыс. ц [18].

Сельди. В первой половине XX в. в Азово-Черноморском бассейне в пределах территориальных вод СССР выделялись два района массового обитания сельдей — северо-западная часть Черного моря, а также его северо-восток и восточное побережье. При этом, группа сельдей, обитающих в северо-восточной части Черного моря и Азовском море, в промысловом отношении была определяющей по сравнению с сельдями северо-западной части. Удельный вес дунайской сельди в общей добыче сельди в Черном море в 1930-е годы составлял всего 8% [43].

В течение 1924–1937 гг. годовая добыча сельди в Керченском проливе изменялась от 1.3 (1935) до 5.0 (1930) тыс. т, в среднем за период — 2.7 тыс. т [27]. Максимум добыча сельди в 1931–1935-х годах (60% годового улова) приходился на осень (сентябрь–декабрь), а летние (июнь–август) и зимне-весенние (январь–май) давали по 19.2 и 20.8% соответственно. Максимум промысла вдоль побережья Северного Кавказа (Новороссийск, Геленджик, Туапсе) отмечался в декабре–январе и в апреле–мае.

В течение 1927–1936 гг. суммарные уловы сельди в северо-восточном районе Черного моря существенно колебались (табл. 2) [43]. Высокие уловы в 1932 и 1933 гг. (8.4 и 10.6 тыс. т) определялись высокой урожайностью сельди в 1930 г. и средней ее урожайностью 1929 и 1931 гг. Падение улова в 1934 г. до 4.0, а в 1935 г. — до 2.2 тыс. т связано с неурожайными 1932 и 1933 гг. по причине снижения естественной водности Дона. Сток реки в эти годы (17.7 км³/год) был значительно ниже, чем в начале 1930-х (28.2 км³/год) [31]. Высокая урожайность 1934 и 1935 гг. дала основание исследователям дать прогноз ежегодного вылова сельди в северо-восточном районе Керченского пролива в 1937–1939 гг. в размере **7.0–8.0 тыс. т**.

Шпрот. Наряду с хамсой после Гражданской войны в середине 1920-х годов черноморские рыбаки обратили внимание на другой “малоценный” объект промысла — черноморский шпрот (*Sprattus sprattus*), именовавшийся здесь “сарделью”. На протяжении 1920–1930-х годов этот вид добывался в северо-западной части моря в больших количествах закидными и ставными неводами. С 1930 по 1935 г. при суммарных ежегодных уловах всех видов рыб в этом районе от 11.1 (1933) до 22.4 (1935) тыс. т уловы чистого шпрота составляли 8–15% — 2.5 тыс. т (1934). В летний же сезон доля шпрота в суммарных промысловых уловах в зависимости от района моря могла достигать 58, а иногда и 90% (район Очакова и Тилигульского лимана). Тем не менее перед Великой Отечественной войной в северо-западной части моря ресурсы шпрота в значительной степени недоиспользовались [37].

Султанка (барабуля). В первые годы после Великой Отечественной войны промысел султанки

Таблица 3. Динамика вылова кефали в различных районах северо-западного шельфа, ц

РАЙОН	ГОД					
	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Лиманы	241	185	745	663	720	1227
Море	80	130	259	322	426	612
ВСЕГО	321	315	1004	985	1146	1839

Источник: [8].

в кавказских водах давал от 6 до 8% суммарного улова рыбаков Грузии. Основными его районами были: побережье Абхазии (Сухуми), район Поти и Аджария (Батумская бухта). При этом 95% уловов приходилось на абхазские бухты – Скурчинскую, Сухумскую, Пицундскую и Пиленковскую. Общий вылов барабули в этих районах в 1949 г. составлял чуть больше 200 т/год, но по прогнозам мог быть увеличен в 2.5 раза [16].

Кефали. В 1930-х годах этот вид промысла в Черном море велся в основном в морских заливах и лиманах северо-западного шельфа. Запасы кефали в море при этом практически не использовались из-за несовершенства применяемых орудий лова (тягловые невода, волокуша) – рыба перепрыгивала через их верхние подборы при

выборке. Несмотря на то, что в 1930-х годах обильные подходы кефали к берегу наблюдались ежегодно, рыбы этого вида в море вылавливали в два раза меньше, чем в выростных хозяйства лиманов (табл. 3). В 1938 г., например, из 1839 ц общего улова кефали в лиманах было добыто 66.4% (1227 ц), а в морских заливах и в море всего 17.6 и 15.7% соответственно (324 и 228 ц). В этом же году были предприняты первые удачные попытки ловить кефаль в море обкидными сетями – традиционными орудиями ее лова в лиманах. Способ был рекомендован для внедрения во всех рыбохозяйственных организациях района [8].

Традиционный морской лов кефали в Крыму в период ее миграции проводился прибрежными стационарными орудиями лова, устанавливаемыми вдоль побережья на пути рыбных косяков. Тем не менее еще в конце XIX в. севастопольские военные моряки часто фиксировали встречу в море огромных мигрирующих косяков кефали-лобана: “Вдруг на поверхности воды появилась большая волна, которая своим неправильным движением и попеременным появлением и исчезновением привлекла внимание моряков; ход миноноски был замедлен и вскоре она очутилась в громадной стае лобанов, которых было миллионы. Лобаны плыли тесными клубами, будто бы играя, и, по мнению моряков, вероятно оплодотворялись; при этом на миноноску рыба обращала очень мало внимания и иногда даже ударялась о борта его” [26].

В 1946 г. ялтинские рыбаки совместно с Керченской экспериментальной базой промышленного рыболовства организовали первый опытно-промышленный лов кефали в открытом море кошельковыми неводами (рис. 1) [8]. В первый год эксперимента (1946–1947) за пять зимне-весенних месяцев промысла один сейнер добыл всего 13.3 т, но уже в 1949 г. даже разовые уловы достигали 35–39 т. Тем не менее массовое применение кошелькового лова кефали началось только во второй половине XX в.

Пеламида. В послереволюционные годы массовые заходы пелакиды в Черное море отмечались в 1922–1923 и 1933–1934 гг. Многочисленные

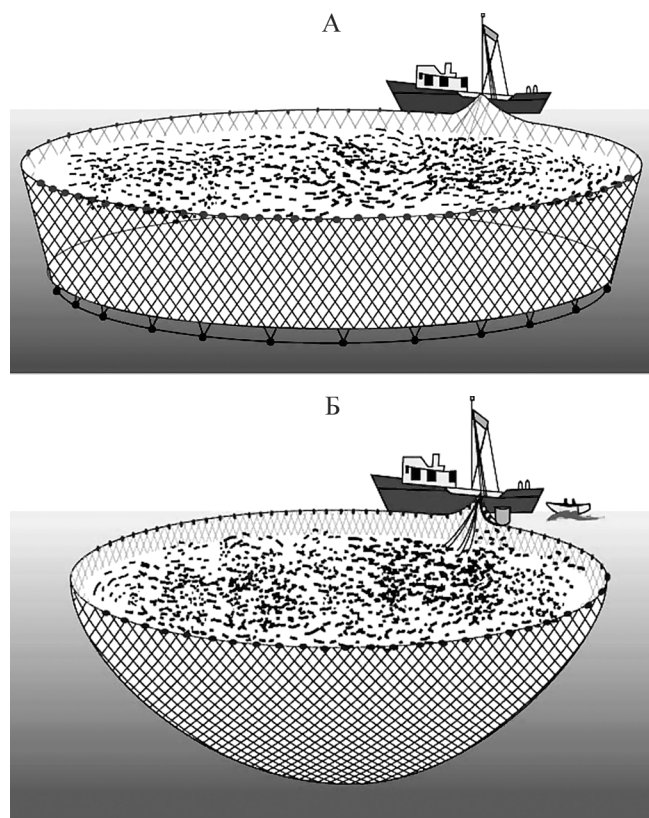

Рис. 1. Схема работы кошелькового невода.

дальнейшие исследования подтвердили ежегодное периодическое присутствие этой хищной теплолюбивой пелагической рыбы (длина до 70 см, вес до 7–10 кг) семейства макрелевых в Черном море. Перспективные возможности ежегодного вылова пелагиды оценивались в 3000 т [7]. В течение 1926–1933 гг. было установлено, что пелагида заходит в Черное море не только для нагула, но и размножается здесь, а также частично зимует в южных районах побережья. В 1936–1938 гг. в результате регулярных наблюдений с самолета за миграцией косяков пелагиды был сделан вывод о том, что в Черном море обитает самостоятельная популяция пелагиды (рис. 2) [13].

После первых (1937–1939 гг.) обнаружений огромных промысловых скоплений пелагиды в 30–50 милях от берегов Туапсе, Новороссийска, мысов Меганом и Сарыч (Крым) Наркомрыбпром СССР приказал создать специальную экспедицию для изучения биологии и освоения промышленного лова этой рыбы. К сожалению, рыбодобывающие организации Крыма к 1940 г. оказались не готовыми к промышленному лову пелагиды. Поэтому, несмотря на оценки ее запасов в 540 тыс. т, промысловых уловов в 1939 и 1940 гг. не было из-за отсутствия соответствующего флота и орудий лова для “быстроходных” пелагических рыб [7, 46]. В 1941 г. благодаря введению в промысел новых кошельковых сейнеров с двигателями мощностью 150 л.с. эффективность кошелькового лова пелагиды несколько повысилась [15]. Перед самым началом Великой Отечественной войны крымские рыбаки выловили в своем районе 373 т пелагиды. Тем не менее из-за отсутствия опыта и технологий лова серьезных промысловых уловов в эти годы также получено не было: в довоенный период этот вид сырьевых ресурсов, также как и кефали, в значительной мере недоиспользовался.

Скумбрия. Несмотря на то, что скумбрия с незапамятных времен была традиционным объектом рыболовства в Черном море, изучение ее промысла, особенностей поведения, условий и районов образования промысловых скоплений началось только после 1917 г., когда в Одессе было открыто отделение Украинской научной рыбохозяйственной станции.

В 1920–1930-х годах этот вид успешно промыслился прибрежными орудиями лова не только в водах нашей страны. В Турции годовой вылов скумбрии достигал 3,7 тыс. т и более, в Болгарии, где эта рыба пребывает очень короткое время в момент миграции из Босфора в Черное море, ее ловили до 1,3 тыс. т, а в Румынии – по 100 т [42].

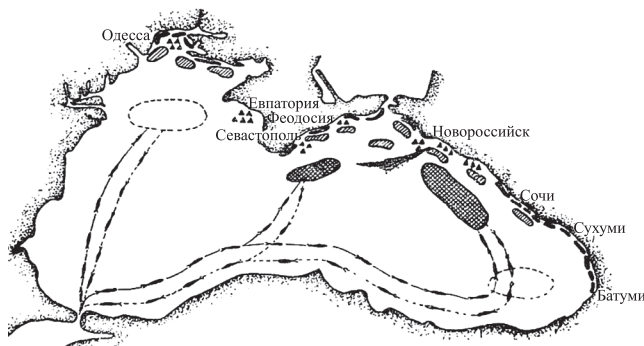

Рис. 2. Схема миграции пелагиды (стрелки) в Черном море и промысловых скоплений различных видов рыб по результатам авиаразведки 1939–1940 гг. [14]: клетка – пелагида, дельфины, шпрот; косая – разреженные косяки пелагиды, треугольник – кефаль; пунктир – предполагаемые скопления пелагиды.

В 1928–1929 гг. из 1,1 тыс. т рыбы, выловленной в северо-западной части моря, 55% (600 т) составила скумбрия. При этом исследователи отмечали, что ее советский промысел в послереволюционный период по сравнению с турецким и болгарским, был “...развит совершенно недостаточно”. Годовой улов скумбрии в то время в наших водах не превышал 700–800 т – в 40–50 раз ниже турецкого [41]. Но уже в 1931 г. уловы на северо-западном шельфе достигли 2,2 тыс. т – 12% суммарного годового улова всей рыбы в этом районе моря и во впадающих реках.

В середине 1930-х годов в отдельных районах северо-западного шельфа вдали от берега обнаруживались промысловые скопления скумбрии “на всем протяжении видимости бинокля”. Аналогичные скопления рыбы неоднократно фиксировались в открытом море и вдоль побережья Крыма, но из-за отсутствия техники лова на больших глубинах, где прибрежные орудия не применимы, их облов не производился. Только в 1935 г. в исследуемом районе были проведены первые экспериментальные обловы скумбрии кошельковым неводом, но широкого распространения этот способ лова по техническим и организационным причинам в довоенный период не получил [6].

Камбала-калкан. В период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны камбальный лов в Черном море не велся. Благодаря этому в течение военных лет произошло восстановление запасов этой рыбы. В 1921–1922 гг. ее промысел возобновился, несмотря на отсутствие квалифицированных кадров (ранее лов вели приезжавшие из Турции рыбаки), отсутствие сетных материалов и мореходного флота. К 1925–1926 гг. вылов камбалы в нашей стране достиг

Таблица 4. Динамика добычи камбалы в водах СССР по различным промысловым районам Черного моря без Грузии, т

РАЙОН	ГОДЫ						
	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932
Украинское побережье	220	180	105	180	125	180	150
Западный Крым	150	100	82	95	110	70	80
Южный берег Крыма	115	130	215	128	122	154	130
Предпроливье	26	37	—	156	162	105	77
Северный Кавказ	83	100	—	—	62	130	103
ИТОГО	594	557	—	—	581	639	540

Источник: [28].

довоенного уровня в 500–600 т и практически стабилизировался (табл. 4). При этом, по оценкам 1920-х годов, запасы этого ценного вида (12 тыс. т) явно недоиспользовались исключительно по техническим причинам. Скопления рыбы были очень разреженными – 30–50, редко 100 штук на 1 км². Это определяло традиционность способа лова – ставными сетями и наживными крючьями длина порядков которых достигала 5 км, а выборка производилась вручную и занимала много времени и сил рыбаков. Попытки добычи калкана тралами, предпринимавшиеся в 1932–1933 гг., не увенчались успехом.

С 1934 г. на судах, промыслявших камбалу в Черном море, стали устанавливать сетеподъемные машины, что существенно облегчило труд рыбаков, повысило производительность лова, а в 1935 г. были построены первые более мощные рыболовные траулеры. В результате, в 1936 г. прямая учетная траловая съемка в водах СССР (143 трала) и Болгарии (189 тралов) позволила оценить сырьевую базу камбалы-калкан в 25 тыс. т.

При этом 36% запаса оказалось в водах Болгарии, 25,6 – в водах Кавказа, 14,4 – в водах Крыма и 8,4% – в водах Украины. Тем не менее максимальный годовой вылов перед Великой Отечественной войной составлял всего 1,4 тыс. т, в то время когда возможная добыча (25% запаса) оценивалась в 3 тыс. т [19].

Добыча дельфинов. Этим видом промысла на Черном море с древних времен занимались только в Турции. В послереволюционный период опыт аламанного лова дельфинов был внедрен и стал широко использоваться в СССР, но в 1928–1929 гг. на многих наших аламанах инструкторами лова все еще оставались турецкие специалисты. Только к 1930 г. этот способ добычи дельфинов полностью во всех деталях был освоен и в дальнейшем усовершенствован советскими рыбаками (рис. 3) [17, 29].

С помощью авиационной разведки, проводившейся регулярно в течение пяти довоенных (1936–1941) лет в восточной части моря от мыса Сарыч в Крыму до Сухуми на Кавказе, были исследованы особенности распределения, миграции и образования промысловых скоплений дельфинов белобочек в открытом море. Зимую на юге Черного моря (Батуми–Трапезунд), стадо черноморского дельфина ежегодно совершало сезонные миграции: весной и в первой половине лета – с юга и юго-востока на север и северо-запад к Крымскому полуострову [25]; во второй половине лета и осенью – в обратном направлении. При этом дельфины образовывали большие промысловые скопления: весной и осенью – в кавказских водах (40–50 миль от берега) на траверсе Туапсе–Сочи, летом – в крымских водах (30–40 миль от берега) между мысами Сарыч и Меганом, а зимой – в районе Батуми–Трапезунд [12]. В конце августа – начале сентября 1948 г. с борта судна были обнаружены промысловые скопления дельфинов в центральных районах западной части моря – в 150–180 милях к юго-западу от Южного берега Крыма. Скопление сохранялось в центре

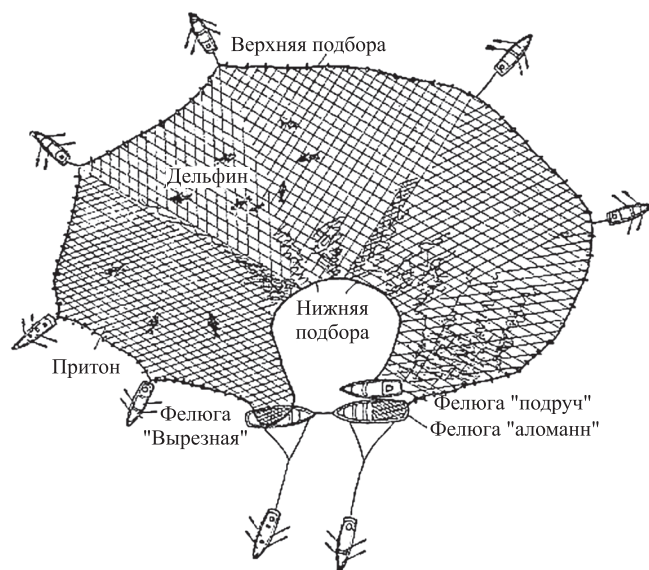

Рис. 3. Лов дельфинов аламаном [29].

Таблица 5. Характеристики промысловых мидийных банок Черного моря

ХАРАКТЕРИСТИКА	ПРОМЫСЛОВЫЙ РАЙОН				
	Северо-запад	Феодосия-Керчь	Керченский пролив	Гудаута-Бомборы	СУММА
Площадь (тыс. га)	620	25	15	3	663
Общее к-во (млрд экз)	600	8	3	1.6	612.6
Промысловых (млрд экз)	150	2	1	0.5	153.5
Вес промысловых (тыс. т)	4200	60	30	15	4305
Вес чистого мяса (тыс. т)	480	7	3.5	1.8	492.3

Источник: [36].

моря в течение почти двух месяцев со смещением в юго-западном направлении в сторону Босфора (рис. 4) [32].

В 1931–1941 гг. в СССР добывали 71.2 тыс. голов дельфинов, что составляло 3.56 тыс. т. Турция в 1941–1947 гг. добывала около 80 тыс. голов общим весом около 4 тыс. т. Дельфиний промысел в Черном море достиг своего максимума в середине XX столетия. В 1954 г. суммарная добыча этих животных черноморскими странами составила 269 516 голов общим весом 13.48 тыс. т, при этом Турция добыла 160 тыс. голов (8000 т), СССР – 75.4 тыс. (3770 т) [49]. Только в 1967 г. добыча дельфинов в Черном море всеми странами, кроме Турции, была прекращена.

Нерыбные объекты. В 1932 г. по приказу Главрыбы при Азовско-Черноморской научной рыбохозяйственной станции была организована экспедиция, которая с августа по ноябрь провела обследование традиционных районов обитания устриц, мидий и креветок в Черном море от северо-западного шельфа до побережья Грузии с целью оценки состояния и промысловых запасов популяций этих объектов [36].

Устрицы. В исследуемый период времени устрицы встречались в Черном море повсеместно. Тем не менее обширные их гряды и банки промыслового значения располагались только в четырех районах: Каркинитский и Ягорлыцкий заливы северо-западной части моря, Севастопольская бухта, Керченское предпроливье и южная часть пролива, а также побережье Кавказа у селений Гудаута–Бомборы. Несмотря на оценку сырьевой базы устриц в Черном море и прогноз возможной их добычи в количестве 20 млн штук, а при культурном выращивании до 100 млн штук, регулярный устричный промысел на естественных устричных банках, как и устричные

хозяйства, в СССР в довоенный период организованы не были [34, 35].

Мидии. В 1932 г. общее количество мидий на всей обследованной экспедицией площади шельфа Черного моря (675 тыс. га) было оценено приблизительно в 600 млрд экземпляров. При этом количество мидий промыслового размера оказалось равным примерно 153 млрд штук. Их общий вес составил около 4.5 млн т, а вес чистого мяса – около 0.5 млн т [36]. Соответствующие показатели по промысловым районам представлены в табл. 5. Однако результаты этих оценок в довоенные годы также остались без практических последствий.

Креветки. В 1932 г. при работе Азовско-Черноморской экспедиции было установлено, что сырьевая база креветок на акватории всех (100 тыс.

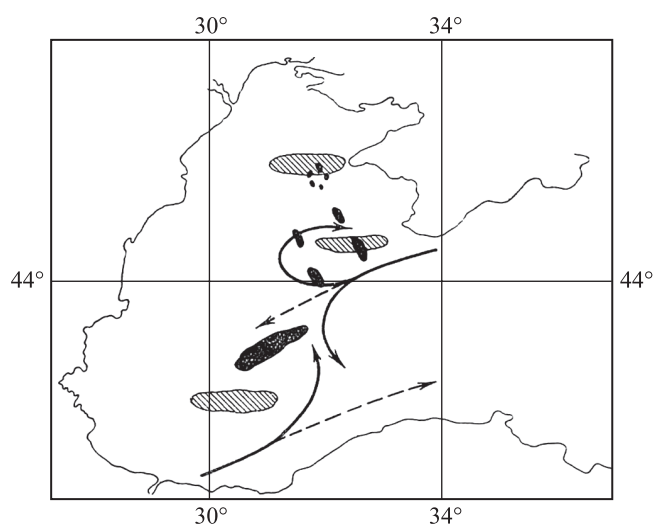

Рис. 4. Скопление дельфина в западной половине Черного моря по наблюдениям с судна 27.08–12.09.1948 г. (черный цвет) и с самолета 14–22.10.1948 г. (штриховка) [32]. Стрелки обозначают направление поверхностных (пунктир) и глубинных (сплошная) течений.

га), обследованных районов Черного и Азовского морей, включая Керченский пролив, составляет 4 тыс. т. Несмотря на это и на тот факт, что добыча креветок с давних времен была традиционной в лиманах Азова и на побережье Черного моря, как в 1930-е годы, так и сегодня промысел этого ценного объекта в нашей стране не организовывался.

Выводы. Проведенный анализ позволяет заключить, что в исследованный период истории рыболовства советской России основной рыбный промысел в Черном море перешел под контроль государства — начали закладываться законодательная база и научно-технические основы регулирования промысла, управления и охраны биологических ресурсов водоема:

- осенью 1917 г. в Керчи было создано первое в России государственное рыболовное хозяйство. После присоединения Крыма к РСФСР (1920 г.) на основе этого хозяйства было организовано Керченское областное управление по рыболовству;
- постановлением Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата продовольствия РСФСР 9 декабря 1918 г. при Комиссариате продовольствия было организовано Главное управление по рыболовству и рыбной промышленности (Главрыба);
- В феврале 1919 г. ВЦИК принял первое постановление “Об охране природных богатств”. При жизни В. И. Ленина в РСФСР, а затем в СССР было издано 234 декрета и других распоряжений природоохранительного содержания, из них 90 были подписаны им лично;
- В 1921 г. при Керченском областном управлении по рыболовству начала работу Керченская ихтиологическая лаборатория, а к 1923 г. она уже имела на побережье Керченского пролива и Тамани пять наблюдательных пунктов;
- В 1927 г. ихтиологическую лабораторию переименовали в Керченскую научную рыбохозяйственную станцию, а в 1933 г. она стала Азово-Черноморским НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии (Аз-ЧерНИРО) с отделениями в Одессе, Батуми и Ростове-на-Дону.

Гражданская война и интервенция западных стран, начавшиеся после 1917 г., а также наследие царской России в рыбном промысле существенно затормозили развитие рыбной промышленности молодого Советского государства. Даже в 1929 г. добыча рыбы в Черном море не достигла довоенного уровня. К 1923 г. 60% советского рыбного

промысла составляли четыре вида кефалей, скумбрия, три вида сельдей, хамса, белуга и осетр, а 20% составляли камбала-калкан, султанка, ставрида, севрюга, тюлька и несколько видов бычков. Остальная доля уловов приходилась на более 30 малочисленных видов рыб. Выявлены следующие специфические черты исследуемого периода:

- в 1929—1939 гг. произошло стремительное развитие черноморского рыболовства за счет совершенствования орудий лова, освоения новых объектов (скаты, акулы), начала научного обеспечения промысла, а также в результате начала рыболовства в открытом море — развития экспедиционного лова, освоения запасов хамсы, шпрота и обнаруженных с помощью авиационной разведки новых промысловых объектов — дельфинов и пелагиды;
- в 1939 г. среднегодовой вылов рыбы в СССР в Черном море составил 35 тыс. т, что примерно равнялось сумме уловов всех черноморских стран;
- в 1920—1930-е годы более половины вылова составляли проходные (5.9%), полупроходные и пресноводные (49.8%) рыбы, наибольшая доля приходилась на хамсу (17.1%); в 1930-е годы лидирующее положение — 68.5%, заняли уже морские виды, а доля пресноводных и проходных снизилась почти в 2 раза, при этом более трети уловов по-прежнему приходилось на хамсу;
- основным промысловым районом в эти годы был Северо-Западный, доля которого 32.6—74.4% всего черноморского промысла СССР;
- в 1928—1929 гг. из 1.1 тыс. т рыбы, выловленной на северо-западном шельфе моря, 55% составила скумбрия;
- в 1931—1941 гг. в СССР добывали 71.2 тыс. голов дельфинов, в 1954 г. — 75.4 тыс. голов;
- в 1936 г. в кефалево-вырастных хозяйствах Одесских лиманов рыбная продуктивность достигала 50—150 кг/га; в Покровских озерах Кинбурнской косы средний показатель редко был ниже 100—400 кг/га; в 1947 г. в озерах выловили рекордное количество кефали 103.2 т — более 2000 кг/га;
- уже в первые послевоенные годы среднегодовой вылов рыбы СССР в Черном море — 32.2 тыс. т в год, почти достиг довоенного уровня; доля морских видов увеличилась до 73.9%, проходных снизилась до 3.4%, а пресноводных — до 22.7%; хамса заняла

доминирующее положение в рыбном промысле — 42.6%, на второе место вышла ставрида (3.3%).

Несмотря на достигнутые успехи советского рыболовства в Черном море в первой половине XX в., в этот период значительная часть биопромыслового потенциала водоема по техническим и организационным причинам оказалась недоиспользованной:

- в середине 1930-х годов промысловые скопления скумбрии, обнаруженные в отдельных районах северо-западного шельфа вдали от берега, а также в открытом море вдоль побережья Крыма, из-за отсутствия техники (орудий) лова на больших глубинах не обловливались;
- гигантские промысловые запасы пеламиды, обнаруженные в 1940 г. авиаразведкой у берегов Крыма, в довоенный период освоить не удалось из-за отсутствия соответствующего флота и орудий лова для “быстроходных” пелагических рыб;
- промышленная добыча шпрота, султанки, камбалы-калкан, кефали, скумбрии и пеламиды по техническим причинам в довоенный период была в несколько раз ниже научно обоснованных оценок возможного допустимого вылова;
- несмотря на оценку сырьевой базы нерыбных объектов и прогноз возможной добычи и выращивания устриц, мидий, креветок в Черном море, выполненные в 1932 г., промышленная добыча этих объектов в естественных и разведение в искусственных условиях в СССР в довоенный период организованы не были.

Продолжение ретроспективного исследования развития черноморского рыбного промысла в СССР (1950–1991) планируется в следующей статье.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-50-00095.

Acknowledgements. The study is supported by the Russian Science Foundation (project no. 14-50-00095).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверкиев Ф. В.* Пути социалистической реконструкции рыбного хозяйства Азово-Черноморского района // За социалистическое рыбное хозяйство. 1931. № 8–9. С. 12–15.
2. *Александров А. И.* Возникновение и деятельность Лаборатории в первые годы // Тр. Керченской ихтиологической лаб. Т. I. Вып. 1. Керчь, 1926. С. 44–53.
3. *Александров А. И.* Крымское рыболовство. Рыбное хозяйство / Под ред. В. И. Мейснера. Кн. II. М., 1923. С. 133–162.
4. *Аронов Я. К.* В. И. Ленин о рыбной промышленности // Рыбное хозяйство СССР. 1934. № 1. С. 5–6.
5. *Вахвахишвили Н., Марти В.* Рыбная промышленность Грузии и основные пути ее реконструкции // Рыбное хозяйство СССР. 1936. № 6. С. 8–14.
6. *Вейнберг Ю.* Первые опыты работы кошельковыми неводами на Черном море // Рыбное хозяйство СССР. 1935. № 10. С. 15.
7. *Виноградов Н. И.* Кошельковый неводной лов пеламиды в северо-западной части Черного моря // Рыбное хозяйство СССР. 1937. № 5. С. 12–13.
8. *Виноградов Н. И., Невинская Е. А.* Состояние и перспективы кефального промысла в северо-западной части Черного моря // Рыбное хозяйство СССР. 1939. № 11. С. 28–29.
9. *Воробьев В. П.* Краткие сведения о биологии хамсы (анчоуса). Хамса. Краснодарское краевое газетно-книжное издательство “Советская Кубань”. 1945. С. 3–13.
10. *Голенченко А. П.* О запасах и распределении пеламиды в Черном море // Рыбное хозяйство СССР. 1940. № 9. С. 11–14.
11. *Голенченко А. П.* Определение запасов хамсы с самолета // Рыбное хозяйство. 1947. № 7. С. 10–19.
12. *Голенченко А. П.* Распределение и миграция черноморского дельфина белобочки в восточной части Черного моря // Рыбное хозяйство. 1949. № 3. С. 31–35.
13. *Голенченко А. П.* Распределение пеламиды в Черном море // Рыбное хозяйство СССР. 1939. № 2. С. 32–35.
14. *Голенченко А. П.* Рыбные богатства Черного моря и перспективы их освоения // Рыбное хозяйство. 1948. № 5. С. 5–9.
15. *Губенко Ю. Т.* Опыт освоения кошелькового лова пеламиды в Черном море // Рыбное хозяйство. 1948. № 10. С. 19–24.
16. *Гудимович П. К.* Промысел черноморской султанки в юго-восточной части Черного моря // Рыбное хозяйство. 1949. № 7. С. 24–25.
17. *Данилевский Н. Н.* Опыт механизации тяги дельфиньего аламана // Рыбное хозяйство СССР. 1932. № 7. С. 28–29.
18. *Дехник Т. В.* Оценка нерестового стада черноморской хамсы // Рыбное хозяйство. 1953. № 1. С. 26–29.
19. *Егерман Ф. Ф.* Сырьевая база камбалы в Черном море // Рыбное хозяйство СССР. 1936. № 6. С. 18–20.

20. *Зернов С.И.* К вопросу об изучении жизни Черного моря // Записки Академии Наук. Вып. XXXII. № 1. М., 1913. 300 с.
21. *Ильин Б.С.* Рыбные запасы Черного моря // Рыбное хозяйство. 1946. № 1. С. 29–34.
22. *Камышьян В.Г., Овчаренко В.М.* Лов кефали и ставриды в Черном море кошельковым неводом // Рыбное хозяйство. 1950. № 3. С. 5–16.
23. *Книпович Н.М.* Работа Азовской Научно-Промысловой Экспедиции в 1922–1924 гг. Предварительный отчет // Тр. Азово-Черноморской Научно-Промысловой Экспедиции / Под ред. Н.М. Книповича. Вып. 1. Керчь, 1926. С. 4–51.
24. *Корнилова В.П.* Состояние запаса и перспективы промысла азовской хамсы // Рыбное хозяйство. 1958. № 9. С. 9–14.
25. *Кротов А.* Опыт авиаразведки рыбы в северо-западной части Черного моря // Рыбное хозяйство СССР. 1936. № 2. С. 47–49.
26. *Люксембург В.* Очерк рыболовства у берегов Севастопольского градоначальства // Вест. рыбопромышленности / Под ред. О.А. Гримма. 1890. № 2. СПб.: Типогр. В. Демакова. С. 49–56.
27. *Маятский С.* Рыболовство в Керченском проливе и прорыв в Тузлинской косе // Рыбное хозяйство СССР. 1938. № 6. С. 26–29.
28. *Марти Ю., Баршев А.* Современное состояние и перспективы развития камбального промысла в Черном море // Рыбное хозяйство СССР. 1935. № 8. С. 21–25.
29. *Марти Ю.* Материалы и реорганизация дельфиньего аломанного промысла на Черном море // Рыбное хозяйство СССР. 1936. № 1. С. 47–51.
30. *Мейснер В.И.* Основы рыбного хозяйства. Рыбное хозяйство. Кн. III. М., 1923. С. 3–22.
31. *Могильченко В.И.* Состояние запасов азово-донских сельдей и их промысел // Рыбное хозяйство. 1974. № 10. С. 12–14.
32. *Надежин В.М.* Условия концентрации некоторых рыб и дельфинов в Черном море // Рыбное хозяйство. 1950. № 1. С. 31–37.
33. *Невинская Е.А., Виноградов Н.И., Борисенко А.Н.* Организация кефалево-выростных хозяйств в Сухом и Дофиновском лиманах // Отчет Одесской рыбохозяйственной станции. 1939. № 37. С. 37–45.
34. *Никитин В.Н.* Гудаутская устричная банка // Тр. Научн. рыбохозяйственной биологической станции Грузии. Т. I. Вып. 1. 1934. С. 51–133.
35. *Никитин В.Н.* Устрицы Черного моря и их промысловое значение // Рыбное хозяйство СССР. 1940. № 10. С. 15–17.
36. *Никитин В.Н.* Устрицы, мидии и креветки как объекты промысла в Черном и Азовском морях // Рыбное хозяйство СССР. 1933. № 3. С. 17–21.
37. *Пилявская А.* Неиспользуемые ресурсы шпрота в северо-западной части Черного моря // Рыбное хозяйство СССР. 1937. № 8. С. 18–21.
38. *Пузанов И.И.* Материалы по промысловой ихтиологии Крыма // Рыбное хозяйство / Под ред. В.И. Мейснера. Кн. II. М., 1923. С. 114–132.
39. *Рыбная промышленность к XVIII годовщине Октября* // Рыбное хозяйство СССР. 1935. № 11. С. 1–5.
40. *Семененко Л.И., Романович Л.В.* О рациональном использовании запасов азовской хамсы // Рыбное хозяйство. 1975. № 7. С. 12–14.
41. *Сыроватский И.* Промысел скумбрии в Черном море // Рыбное хозяйство СССР. 1932. № 11–12. С. 48–49.
42. *Сыроватский И.* Черноморская скумбрия и пути развития ее промысла // Рыбное хозяйство СССР. 1935. № 10. С. 11–15.
43. *Тихонов В.Н.* О планировании добычи сельди на третью пятилетку в Азово-Черноморском бассейне // Рыбное хозяйство. 1937. № 5. С. 18–22.
44. *Трещев А.И.* Интенсивность рыболовства. М.: Легкая и пищевая промышленность, 1983. 236 с.
45. *Фащук Д.Я., Куманцов М.И.* География рыбного промысла Российской Империи в Черном море // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 4. С. 125–138.
46. *Фрейберг В.* Опытный кошельковый лов пеламиды // Рыбное хозяйство СССР. 1941. № 1. С. 13–15.
47. *Фрейберг В.* Хамсовый аламанный промысел // Рыбное хозяйство. 1939. № 6. С. 10–12.
48. *Шеек П.В., Куликова Н.И.* Марикультура рыб и перспективы ее развития в Черноморском бассейне. Киев: КНТ, 2005. 307 с.
49. *Ivanov L.S. and Beverton R.J.H.* The fisheries resources of the Mediterranean. Part two: Black Sea. FAO Studies and Reviews. 1985. 60:135 p.